

М.А. Кривошенин

Синее
Рассказы

2000 г.

М.А. Кривошеин
Стихи
Рассказы

Стихи

Рассказы

Отступать не приходится
Целый день я не сплю и не суюсь
И как я горю! молчу.
Но всё же я придумаю
Мне надо не вспоминать
С кем-то из вас я говорю

2000 г.

1/1

Автор этого сборника - Михаил Александрович Кривошеин, уроженец села Кривошеино Кривошеинского района Томской области. На сene прошли его детство и юность - в деревне Быстрый исток Алтайского края.

Михаил - горячий поклонник творчества Василия Шукшина, едва ли не ежегодно принимает участие в шукшинских чтениях в Сростках, на родине писателя.

В Мысках Михаил Кривошеин живет с 1976 года и много лет сотрудничает как внештатный автор с городской газетой "Вариант". На ее страницах появились его первые литературные пробы - бытовые зарисовки, стихи и рассказы. Их благосклонно принимают читатели.

Рассказы Михаила Кривошеина просты и бесхитростны, как сама деревенская жизнь. Надеемся, что оnm придется читателям по вкусу.

Сергей Голищев,
редактор мысковской городской
газеты "Вариант."

СТИХИ СВОЕМУ ОППОНЕНТУ

Доколе ты будешь носиться
с собой?
Ошибкам подвержен
и гений...
Как пятна на солнце, есть
в жизни любой
Отметины грешных падений.

МИР СКРЯГИ

Маленький мирок –
В этом мире проще,
Дайте тот пирог
Мне, жене и теще,
Тот, в который люди
Вложили все силы,
И в него на блюде
Я вонзаю вилы.
Что мне эти люди?
Я ведь ближе к цели.
Дать из вас любому –
Без меня бы съели.

* * *

От судьбы не сбежишь,
Под подушку не спрячешься,
И, как в горку малыш,
В этой жизни карячишься.

Мне уже не впервые
С косогора высокого

Вниз лететь головой
От удара жестокого.

Речь неведомо чья
Ложью смачно разбавлена,
Снова гордость моя
До плеча обезглавлена.

* * *

Пахло пчелами и медом,
Пахло неба синевой,
Пахло потом от народа
И ночною тишиной.
Пахло местом роженицы,
Пахло трепетом листа,
Пахли скрипом колесницы
Эти русские места.
А сегодня вижу муки,
Запахи ловлю в дыму.
И доступны только звуки
Развращенному уму.

ПОДОБАС - РЕЧУШКА ДЕТСТВА МОЕГО

Речка в дикой пляске
Катит воду с круч.
Видно в Подобаске
Отраженье туч.

Галечки цветные
Здесь нашли приют.
Рыбки озорные
Между них снуют.

Расцветут веснушки
На моем носу –
Это солнце дарит
Мне свою красу.

Накупаюсь в речке,
Лягу на песок,
Ветерок беспечный
Тронет волосок.

Нет и в целом мире,
Скажем без прикрас,
Красивей и шире
Речки Подобас.

* * *

По дорогам солнце режет бровку.
На асфальте мокрые круги,
Вьюги объявили забастовку,
Весны услышав легкие шаги.

Просыпаясь раньше, солнце всходит,
Не жалея скучного луча,
Но мороз еще повсюду бродит,
По углам дубиною стучит.

Но уже ему не долго шастать –
Наступает кризисный момент,
Хоть зиме-старухе будет хвастать,
Будто он еще не "импотент".

Пусть еще повеселит старушку,
С бурею немного поблажит.
Все равно, забросив колотушку,
Он на полюс Северный сбежит.

ПЕРЕХИТРИЛ

Замозолены колени
У простого мужика.
Не от глупости и лени -
Властью дурака.

С мужика дерут три шкуры,
Бьют со всех сторон,
Унижают самодуры -
"Есть на все Закон".

И задумал мужичонка
В партию вступить.
Может, где-то, может

в чем-то
Жизнь перехитрить.

И вступил он...
"в лапы к черту",
"Сдвинувшись" слегка.
Шкуру тонкую, четвертую
Содрали с мужика.

* * *

Летят снежинки странницы
И тают на щеке,
Рука моей избранницы
Лежит в моей руке.

И я иду походкою
Веселого щенка,
А месяц скользкой лодкою
Уплыл за облака.

Не обижай украдкою
Ты любящей души,
Снежинку эту сладкую
Губами осуши.

КАРТИНКИ ЛЕТА

Вдоль тихой речки
Стоит село,
Росистым утром
Хранит тепло.
Ну, а за речкой - луга,
Леса,
Простор, раздолье,
Покой, краса!

В зеленом царстве
Течет река,
Рыбак хлопочет
У костерка.
А вот и стадо -
Живой завод:
Пыхтит, хрустит,
Жует, бредет.

Здесь мирно все,
И дремлет лист,
Вдруг раздается
Разбойный свист:
Гурьба детишек
Мчит во весь дух.
Разделись мигом -
И в воду - бух!

А солнце в небе взошло
В зенит,
Полдневный зной
В ушах звенит.
И долго-долго живешь
В тот день,
Пока не скроет
Все ночи тень.

* * *

Не был я последним хулиганом,
Да и первым не был никогда,
Не ходил по улицам с наганом,
Разве что нетрезвый иногда.

Выступая левой - с выкидоном,
Нарушал устои бытия,
Иногда был не в ладах с законом,
А иначе это б был не я.

Не был я последним хулиганом,
Не носил за пазухой кастет.
Умываясь утренним туманом,
Глотку драл за трио м квартет.

Мне всегда sero-TOnе хватает
То, sero я в детстве не добрал,
Оттого и жизнь свою ломаю
С хрустом, словно статую вандал.

ОСЕННЯЯ АКВАРЕЛЬ

Тень играется с лучом
В лапах хмурых елей, -
Словно бронзу с кумачом
Высветила зелень.

Разрисовано умно
Чудо-покрывало...
Так красиво ни в одно
Время не бывало.

Позолоченной листвой
Нарядились клены.
Только кедр, как весной,
Весь стоит зеленый.

Порасцвечены леса,
Как в волшебной сказке.
Посерели небеса,
Убавляя краски.

Ветер резкий и тугой,
И колюч, как ежик,
Вдруг промчится над землей,
Предвещая дождик...

РАЗДИРАЛИ ДУШУ ИЗУВЕРЫ

Раздирали душу изуверы,
Вычищали жизнь - до пустоты -
Нехристи без совести и веры,
Мастера духовной нищеты.

Второпях втоптали в землю Бога –
Возвели в кумиры мертвца,
И народу выпала дорога
Крест нести до скорбного конца.
А когда земля набухла кровью
И устала грешников нести,
Вздумали с такою же "любовью"
Лихо перестройку провести.
Поменяли враз и гимн, и флаги,
Так и не признав своей вины.
Дали нам по "филькиной бумаге" –
Будьте, мол, приватизацией сильны...
Но стереть не могут и на флагах
Божью кровь былые палачи.
...Схоронили волюшку в ГУЛАГах
Без слезы, молитвы и свечи.

Б А С Н Я ОСЕЛ - ЦАРЬ ЗВЕРЕЙ

В одном запущенном аесу

Лев чесчур болтливым оказался.

Все распустив и развалив,

От власти царской отказался.

Осел же тут как тут,

Совсем близехонько у трона отирался.

Ну, звери уж судить-рядить

И выборы назначили впервый.

Осел, не сильно маявшись похмельной головой,

Ежа с ужом в "упряжку" пригласил,

Дал им пещеру, дал охрану -

Все, что их лесу было по карману.

Ежу с ужом ведь тоже лесом

Править захотелось,

Хотя и так тепло жилось, и сладко елось,

Осла Ослом назвали на весь лес.

Позвав верблюдов, стаю обезьян,

Осел просил их строго разобраться.

И те давай кидаться и плеваться.

И закидали, выполнив заказ.

На этом ■ закончу свой рассказ.

Мораль сей басни такова:

Коль старый лев ушел,

Ищи другого льва,

А не надейся на осла,

Так как не будет от осла

В лесу добра.

БЫВАЛОЧКИ

П О Р О С Я Ч И Й Ж О К Е Й

Осень! Бабы с ребятишками копают картошку, мужики же - кто чинит сарай, кто колет дрова, кто пьет (таким - что осень, что весна). Улица Таборная одна из самых больших в деревне, тянется от центра прямо к реке. Улица широкая, по-деревенски грязная, заборы худые, дома сикось-накось. На берегу реки - лодки, привязанные цепями за трос, а трос натянут и заварен намертво за две могучие ветлы. Здесь как бы лодочная станция, отсюда уплыл за сеном и уже возвращался домой Иван Трёпальч. (Он возлежал на возу и командовал рулевому, куда рулить. Рулевой, не видя ничего из-за сена, поворачивал руль осторожно, плыли на средних оборотах). Кличка его необычная, в виде отчества, возникла из-за того, что отец его был тоже первоклассный трепач, а звали его Павлом. Кроме того, что Иван Трепальч был балагур, он еще любил подшутить, но шутки его часто выходили ему "боком".

Подплывали к берегу. Иван Трепальч решил не говорить своим спутникам, что уже берег: пусть лодка ударится, и они испугаются. Он же взялся за веревку поддержаться.

"Скоро берег?" - крикнул рулевой.

Иван Трепальч поспешил успокоить: "Да не, как будет берег, я скажу, давай правее".

В это время лодка ткнулась о берег, и горе-шутник, забыв о веревке, слетел с воза, как блин со сковородки. Вокруг собрались мужики, кто-то заключил: "Неудачно катапультировался, надо его в больницу".

В больнице на руку и ногу наложили лангет. Лишь через неделю, малость отлежавшись, Иван Трепальч начал выползать за ограду, подпервшись костылями. На стыке его и соседнего забора стоял колодец с "журавлем", к которому по воду ходило пол-улицы. Диспозиция Трепальча была весьма выгодной: ни один шедший по воду не миновал его и после общения или улыбался, или даже вытирая слезы - на всех у него хватало запаса баек и анекдотов.

Днем пришла по воду и Гутиэра. Гутя, маленькая толстая глуповатая женщина, бывшая объектом всеобщих насмешек. Гутиэра по воду шла не одна. За ней тащилась ее свинья Сильва, а следом бежал черненький востроносый кобелишко Снайпер - эта компания сопровождала ее даже на работу. Через плечо Гутиэры было переброшено крутое крашеное коромысло с крючками на концах, а ведра она Несла в руке. Наряд Гути состоял из ситцевой кофты,

платка и юбки до полу на резинке. Из такой материи обычно шили занавески, но Гутя всегда нравилось выглядеть ярко. С Трепалычом Гутя не любила разговаривать, так как чувствовала в его голосе и вопросах постоянную насмешку. Но в этот раз она остановилась сама выразить несчастному щутнику соболезнование.

"Да ты б, Гутя, пришла меня пожалеть, когда моя Маруська на работу уходит, а щас она дома", - с усмешкой сказал Иван, прищуря один глаз.

Гутиэра, покраснев, отмахнулась: "Да ну тебя, вон, виши, участковый идет, пусть он тебя и пожалеет".

По улице бодрой походкой шагал участковый.

В это время свинья Сильва, похрюкивая, подошла к хозяйствке вплотную и принялась уто-то нюхать около ее подола, а ехидный Снайпер, изловчившись, больно куснул Сильву за толстый окорок. Свинья, взвигнув от боли, ринулась вперед Гутиэра и опомнившись не успела, как оказалась верхом на свинье. Сильва, ослепленная подолом, рванула бежать, Гутя же, бросив ведра, почему-то вцепилась обеими руками в коромысло. Последнее крючком рвануло за бинт, поддерживающий сломанную руку Ивана Трепалыча, и от этого он вынужден был побежать за Гутей, скакавшей, как ковбой, на свинью. Вмновимк переполоха Снайпер прыгал вокруг всей этой упряжки и звонко лаял.

Участковый тем временем притормозил, пытаясь понять ситуацию. Иван Трепалыч, запнувшись лангетом, упал в грязь, а Гутиэра, выскользнув из юбки, в панталонах кувыркалась за свиньей. Сильва, подгоняемая звонкоголосым Снайпером, ситцевой торпедой мчалась к участковому. Почувствовав недобро, участковый по профессиональной привычке потянулся к кобуре. Сильва в тот же миг поддела его так, что с того фуражка пошла вмтом, а сам он остался лежать на дороге лицом в небо с наганом ТТ в руке. Сильва в юбке домчалась до кустов и лишь там смогла от нее освободиться. Иван Трепалыч стоял на караках и тщетно пытался подняться: Оба лангета сломались. Гутя в ухасе рванула домой, мелькая смммм панталонами, участковый же, бодро вскоумв на ноги, сунул наган в кобуру, поднял фуражку, костыль Трепалыча, помог подняться пострадавшему и доставил его до дома. Народ, посуда-умв, разбрелся по своим огородам.

Иван Трепалыч еще долго бюллетенил, а Гутя с полгода ходила, закрываясь платком от стыда, будто ее -старую деву- публично лишили девичьей чести.

Когда ударили морозы, Сильву зарезали на мясо. Снайпера привязали на цепь, Гутиэра начала носить нормальные юбки, но от Ивана Трепалыча на вск оставшуюся жизнь получила кличу Жокей.

БЕДОВЫЙ ИЗВОЗЧИК

Село Притычка находилось в двенадцати километрах от райцентра, но Елене не стоило больших трудов запросто сбегать в райцентр. В своей деревне ее так и звали - Ленка длиннопахая. Всеобщая нелюбовь ее несколько не смущала. Стоило только где-нибудь остановиться двум бабам, как словно из-под земли перед ними появлялась она - любительница свежих новостей. Лицо ее вытягивалось, уши топорщились под недостираным платком, руки с заворотами ложились на бедра. О-о-о, эта стойка была всем известна. Ни одна баба не бралась с ней поругаться. Ее звуковой аппарат был настолько совершенен и выдавал такие очереди, что ей бы позавидовал любой спортивный комментатор. Сплетни рождались на ходу, и после очередного почествования она говорила:

- Ей-бо, бабы, чтоб мне провалиться на этом месте, - и осеняла себя крестом, а бабы, как дуры, верили и частенько попадались на этом. Никто не смел ее наказать. Один мужик как-то поджег ей сарай и тут же на другой день на мельнице попал под ремень и остался без руки. Однажды Ленка насплетничала на бригадира, якобы видела его под скирдой с учетчицей. Бригадир был крутой мужик. Подлетел на Воронке к магазину, а тут Ленка из дверей выходит. Он встал в ходке, размахнулся было кнутом, но сплетница увернулась, и попал бригадир кончиком кнута Воронку прямо в глаз. Тот дернулся назад, бедовый мужик упал между конем и ходком, а конь тут и понес с испуга. Бригадир стал инвалидом, а с Ленкой длиннопахой с тех пор стали бояться связываться.

По молодости она была замужем за неким Филиппом. Мужик ей попался хороший, спокойный. Несколько лет он пытался воспитывать непутевую жену, но Ленка на пару с матерью нападали на него в ответ и избивали морально. Вскоре Филипп стал замкнутым и хмурым.

Однажды летом в райцентре проводилась ярмарка, ну он и поехал туда, чтобы не сидеть дома. На ярмарке встретил знакомого мужика из соседнего района. Тот ходил по рядам и что-то высматривал. Филипп спросил мужика, что тот ищет. Оказалось, тот искал точило. Филипп сказал, что у него есть отличное точило, только ехать за ним надо аж за двенадцать километров. Земляк помялся-помялся, да и поехал-таки за точилом. Когда приехали, Филипп завел знакомого в избу, отдернул занавеску на русской печи и сказал:

- Точило, слазь, за тобой приехали.

Теща, ничего не понимая, спросонья стала слазить с печки а земляк, выпучив глаза, осталбенел. Потом, громко захохотав, вы-

скочил из хаты. Филипп, прихватив свои пожитки, уехал вместе с земляком.

С тех пор Ленка жила одна: мать-то после того случая с то-чилом хватил удар, ну и отдала она Богу душу. Когда Ленке перевалило за полсотни, она стала искать избенку в райцентре и потому хаживала туда часто, особенно по выходным.

В райцентре на окраине жила одна семья с ненормальным ребенком. Звали его Клим. Маленьким он не представлял опасности для окружающих. Но родители старели, а Клим набирал силы, и к шестнадцати годам его уже побаивались взрослые мужики. Любимым его занятием была езда на хворостине, он мог часами поднимать столбы пыли и при этом нисколько не уставал. Часто он заставлял и пацанов бегать с собой, имитируя езду на коне вдвоем.

День стоял жаркий, ребятня была вся на речке. Клим выбрал длинный прут, оседлал его, держа левой рукой, а в правую взял прут поменьше, цокнул языком, стегнул прутом по пруту и козлом заскакал на центральную дорогу. В это время наша героиня покидала райцентр, и Клим подрулил на "горячем скакуне" прямо к ней.

- Садись, - сказал Клим.

Ленка не поняла и, отмахнувшись, двинулась было дальше, но тот заставил ее оседлать прут и, поддавая коленями под зад, стал толкать в спину. Ленка испугалась: никого нет, еще убьет придурок, и побежала.

Пара помчалась по пыльной дороге в сторону Притычки. Ленка, не пробежав и половины пути, вся взмокла, воздуха не хватало, но "коренник" продолжал напирать.

"Ой, спаси, сохрани и помилуй, что же это такое, и нет ни одной души как на грех, ведь пропаду", - лихорадочно думала Ленка, через силу переставляя ноги. Уже миновали середину пути, когда навстречу попался бригадир в ходке. Ленка добавила ходу, чтобы Клим не пинал ее коленями, прямо второе дыхание открылось. Так и доскакали они до Притычки. Оставил он ее около колодца на окраине села. Сам умылся из колоды, в которой пият лошадей, да и помчался домой, мокрый, весь в пыли. А она долго сидела у колодца. Попьет-попьет с ведра да опять сидит, тихая такая, смиренная...

После этого никто не слышал от нее ни звука. Продала свою хатенку и куда-то уехала. В деревне наконец-то стало спокойно. Клима тоже вскоре отправили в спецприют.

Наступали другие времена, и в них были уже другие герои.

НУ КАК ТУТ ПОМИРАТЬ...

Вадим был цопкий до вина. Цопкий и дёрзкий - как сибирская лайка. Они все, Арноутовы, были дёрзкие, потому что телом крепкие. Им что податься, что поплясать - все одно. Но Вадим уже третий год как на пенсию пошел, по возрасту сталтише. И не столько он стал сдавать позиции, сколько мы стала забирать жена Матрена. Прямо наказание!

Однажды своего благоверного козлом назвала, а потом еще добавила: "вонючий". Назвала раз, два, а потом в привычку вошло. И как напьется Вадим, она соседке жалуется: "А мой-то опять нажрался, козел вонючий". И не было у Него сил проучить её, рука не поднималась. "Ну что ж, так и живи козлом", - заключил Ванька-матерщинник, сосед Вадима.

У Вадима с одной стороны соседом был Ванька-матерщинник, с другой - дед Троцца голашеный. А прозвище он получил за то, что с утра до ночи ныл гуньдяным голосом: "Это что же творится, Россею-то заполонили китайские шпиены. Главный-то - Ель-цин, а помощник у него с собачьей фамилией Соб-чак. Ежили границы откроют, китайцы, как саранча, все до тундры ощипают".

Он ныл по любому поводу и так нараспив, как по покойникам голОСХГ, потому и голашенным прозвали.

Дед недавно от внука письмо получил. Внук пишет, что "Северу пришла труба" и он решил домой возвращаться. Приедет с машиной.

И дед решил строить гараж. Привез шлаку, цемента. С Ванькой-матерщинником сколотили опалубку, а в выходной собрали помощь. Дед с утра заголосил: китайские шпиены разорили его, деда, и денег у него нету, а есть только логушок бурды недельной выстойки. "Ребятушки, у меня не бурда, а нектар жизни. Тяпните по стаканчику, но хм сами бегать будут", - говорил дед.

К вечеру опалубку всю залили. И загуляли. Для начала распилили бутылку самогону - дед выпил, а потом начали "давить" логушок - дед даже не пригубил, знал, что лист табачный под дно подложил, что это не нектар жизни, а "да здравствует деревянный ящик".

Утром Вадим проснулся в кухне - на старом диване лежалничком, по голове будто молотобоец бил кувалдой, и не просто

был, а был с присадкой. Вадим хотел повернуться, молотобоец заработал с остервенением - боль придавила к подушке. "Наверно, в ящик сыграю", - подумал он, и себя нисколько не было жаль. "Ну что ж, дети выросли, Мотька, может, еще замуж выйдет", - и поплыли, поплыли мысли, как будто к нему архангел спустился и ждет в изголовьях... Подумал, что его чужие люди будут обмывать, и вдруг тревога зашла в душу и двинула съ туда, куда молотил молотобоец. "Черт побери, собрался помирать, а ноги грязные". Вадим шевельнул пальцами, почувствовал, что носки на ногах. "Сдохну, жена вызовет "скорую", погрузят и увезут в морг, а носки рваные, ноги грязные, люди ведь осудят. Уто же делать?"

Жена ушла управляться. С улицы доносился "жизненный ритм". Вадим спустил одну ногу с дивана, дотянулся рукой и содрал носок. Замер. Дождался, когда "молотобоец возьмет перекур". Потом стянул второй носок. Передохнул, свалился с дивана и на четвереньках пополз к ведру. Попил, помочил голову, посидел возле ведра на полу, еще помочил голову, и как-то легче стало. Поднялся на ноги - изба ходуном пошла. Устоял! Подошел к умывальнику, задрал одну ногу и вымыл с мылом, потом вторую; пошел к шифоньеру, сменил трусы и уте кое-как добрался до дивана и лег. Сердце ухало, как в бочке, молотобоец свое дело знал, аж поб взмок. Вадим затих, лежал, лежал м... заснул. Проснулся, чувствует - легче стало. Попросил чаю. Жена молча налила, пододвинула табурет к дивану и поставила на него бокал. После сам Вадим захотел есть. Забыл про молотобойца и архангела, глянул на грязные носки и усмехнулся. Жена, было, разинула рот, но Вадим ее опередил: "Знаешь wo, мать? Ты не ругайся, а я пить не буду, давай договоримся. И козлом меня не зови".

Она смотрела на него долго и как-то спокойно. Наверное, поверила...

"И знаешь еще чо, мать, купи мне несколько пар носков. Ладно?" Матрена кивнула.

КАПУСТНОЕ ЗАГОВЕНЬЕ

Кеша - это уменьшительное имя Иннокентий. И если другим давали клички, то Кеше достаточно было его имени. Причем произносилось оно сельчанами всегда с улыбкой. Так как был он от природы веселым и добрым человеком. И все, что с ним случалось, знала вся деревня. А так как Кеше нравилось смешить народ, то он всегда подыгрывал случаю.

...Это было весной. На пасху. День был ясный. Народ под хмельком ходил друг к другу христосоваться. Ребятня собиралась стайками, бились крашенными яйцами и угощали друг друга помятными пострипушками.

Кеша вышел во двор нетвердым шагом, посмотрел на солнышко и зашурился: "Верно говорят, что солнышко играет на пасху". Немного потоптавшись, он вышел за ограду. Односторонняя улица шла берегом речки Подобаски. На другом берегу росли кусты. А как раз напротив был чистый бугор. В нем лет пять назад Кеша вырыл погреб. Копал горизонтально иставил подпорки. Получился погреб, как блиндаж. Зимой хорошо былоходить в погреб за солониной по льду, летом - вброд. А вот весной Подобаска разливается, как настоящая река, и приходилосьходить в обход через мост.

Кеша покрутил ключ в кармане, и тут закралось сомнение: "А закрыл ли я вчера погреб на замок? Кажется, нет". Хотя замок было хорошо видно даже отсюда, но сомнение терзало Кешину душу. И он подумал: "Лучше дойти поглядеть, а там недалеко и до свояка. Зайду похристосоваться".

Замок был закрыт. Но Кеша отомкнул его, посмотрел, хорошо ли закрыл кадку с капустой. Вдруг с улицы послышалиськрики... И он вскочил из погреба.

На мосту дрались два мужика. В одном из них он узнал свояка и бросился ему на помощь, хотя никогда не дрался. Пока бежал, незнакомый мужик свалил свояка и принялся давить его родственника.

В силу своей гуманной натуры Кеша не мог ударить человека кулаком, и он схватил неприятеля за ногу и стал срасскивать, помогая свояку выбраться. Но агрессивный незнакомецударил его свободной ногой прямо в глаз.

Кеша отлетел на несколько метров и упал. В глазах "заплясали черти". Однако он вскочил так же резко, как и упал. И в нем заговорил голос предков. Он обратил внимание на то, что у противника задралась до колена штанина, оголив давно не мытую икру. Кеша разинул рот, как аллигатор, и впился зубами в

эту немытую ногу. Противник стал визжать и бить его второй ногой, попадая в лицо. Но хватка была мертвой, как у бультьера. Свояк успел выбраться из-под низу и бил мужика по уху. Немытый взвыл милицейской сиреной, отчего даже машины на трассе остановились. И побежали бабы. Женщины - народ решительный. Они растащили дерущихся мужиков.

Стали выяснять, кто куда шел и отчего подрались. Мужик сидел на берегу и плескал холодную воду на покусанную ногу. Вытирая кулаком слезы, выкрикивал в адрес Кеши проклятия: "Подобасовские людоеды, шакалы".

Свояки пошли домой, обсуждая по дороге ход поединка.

За столом сидели недолго. Успели выпить только по одной, как в дверь ввалилась Кешина жена.

"Сидишь, а там корова в погребе картошку жрет. Я хотела ее выгнать, да где там!"

Кеша вспомнил, что он из-за свояка забыл закрыть погреб, и бросился туда. За ним свояк, за ними их жены - сестры, покачивая животами из стороны в сторону.

По тому, что торчало из погреба, Кеша узнал свою корову Марту. Стал тянуть ее за хвост. Свояк еще издалека начал давать советы, посверкивая лиловым синяком под глазом.

Что они только не делали: и били несчастное животное, и крутили хвост, и тянули - но никакого толку. Корова у Кеши была крупная, вымя чуть не до полу. В погреб она втиснулась нормально, но, съев полбочки капусты, раздулась и заклинила в дверях.

Кеша попинал корову по ногам. Та расставила их, подумав, что ее будут доить. Но Кеша решил залезть между ног. Вот только вымя низко висело.

Свояк посоветовал: "Лезь, а я буду вымя отталкивать, может пролезешь". Кеша прополз до половины, вымя расплылось по его груди и животу. И ему казалось, что он пролазит сквозь рулон наждачной бумаги. Стало перехватывать дыхание, Кеша заматерился.

Свояк еще решительнее принялся тянуть вымя ~~кверху~~, ухватившись руками за задние соски. Марта начала лягаться, задрала хвост и обдала обидчика с головы до ног.

Свояк ругался, стребая с лица вонючую "кашу", кинулся к воде.

Кеша оран из-под коровы, припечатанный к земле на Обе лопатки.

Выручили, как всегда, женщины. Поставив ногу для опоры, тетя скомандовала Кеше: "Чего орешь, упирайся в мою ногу и лезь!"

Кое-как протиснувшись внутрь погреба, Кеша поднялся

оценил обстановку. Картошка не тронута, но в бочке капусты уже не было.

Кеша дал команду жу, чтобы тянули корову за хвост, А сам назад и

косяками

после

По

хлопала

Объевшее-

Свояк уставился на корову. Ему показалось, что вода в речке убывает. Он заорал: "Кеша, гони ее от воды, она всю Подобаску выпьет. Где ребятишки летом купаться будут?"

Косяки сняли после того, как намочили Марте бока. Приткнули деревяшки к погребу мало-мало и пошли христосоваться дальше.

В эту пасху разговелись кто как, в основном неплохо. Особенно Марта.

Бестолятинская пасха прошла в веселой атмосфере.

Утром Кеша вспомнил, что забыл вчера в магазине крахмал. Свояк сказал, что крахмал можно заменить яичной скорлупой.

Приготовив яичную скорлупу, Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

Кеша решил, что это будет отличный крахмал. Он взял яичную скорлупу и поместил ее в кипящую воду. Вода вскипела и яичная скорлупа всплыла на поверхность.

КУМОВЬЯ

Вся деревня знала, что они кумовья. Сойдутся же такие разные люди! Дружба их была крепкая и веселая. Пашка - мужик сильный, валоватый и немного с хитринкой, а Сашка - более прямой, дерзок и широк душой. Бывало, как выпьют, с широтой их натур мог соперничать лишь Тихий океан. Разговоры не смолкали до самого утра. Но редко проходили их загулы незаметно. Обычно говорили: "Ну, кумовья загудели, жди хохмы". Однако "подкалывать" боялись, могли нарваться.

Зима тот год была на редкость легкая, и как-то незаметно подошло Рождество. Был рабочий день. И хоть коммунисты были не в ладах с Богом, на Рождество сделали коротким рабочий день. Сашка теп домой с топором на плече и о чем-то размышлял, бормоча себе под нос, как вдруг сзади раздался сигнал. Он оглянулся и увидел своего кума, лицо которого занимало чуть не пол лобового стекла газика. Пашка улыбнулся своей ярко-розовой улыбкой и помахал куму: мол, давай сюда, в кабину. Рукопожатие было крепким. По дороге начали выяснять, кто, куда и зачем двигается, говорились вечером посидеть, после того, когда Пашка отгонит машину.

Вечером, управлявшись со скотиной, Сашка надел "москвичку", цигейковую шапку, на ноги - катанки и пошел к куму. Внутренний карман приятно оттягивала поллитровка "Московской" бийского розлива. Пашкина "половина" встретила кума хорошо, достала чашку грибов, другой солонины, быстро накрыла стол.

Пили, смачно закусывали, вели полуслутливый разговор. Забежал сосед, занял пачку "Примы", стопарь опрокинул, от второго вежливо отказался, потому что у него тоже были гости.

Кумовья разогрелись, разговор стал шумным. Хозяйка несколько раз тащила: "Потише, черти, орите!" Но где там! Разлили последнее из второй бутылки, выпили и как-то вдруг запели: "Во ку, во кузнице". Им очень нравился конец песни, где таракан проел Дуне сарафан. Пели во всю глотку, постукивая кулаками по столу. Стекла в окнах позвякивали и качалась лампочка над столом. Прохожие думали, что у Пашки большая компания гуляет. Маленько разрядившись, заговорили тише, вспомнили о Рождестве Христовом, и Пашке вдруг в голову шарахнула дикая мысль. Он предложил: "Сашка, пойдем славить!"

Хозяйка разругалась, но где там удержать. Попутав традиции Рождества и старого Нового года, они стали рядиться. Сашка подвязал женский платок, а кума намазала свеклой ему лицо. Пашка вывернул старый полушибок шерстью наверх и старую

дедовскую шапку, натянул на голову этот "котелок", оторванный козырек которого завешивал глаза до самого носа. Выглядел Пашка в этом наряде как снежный человек.

В первую очередь они пошли к Нюре косой. Стучаться пришлось недолго. Нюра никого не боялась, открыла и отрывисто спросила: "Зачем пришли?" "Дак, сама знаешь, зачем - славить". "Ну, раз пришли, заходите и славьте" Ввалились мужики в хату, шепчутся, что петь будут, а Нюра их одним глазом разглядывала, хотела признать, кто такие. Уговорившись, гости Нестройно затянули:

"Рождество твое двадцать пятое.

Голова твоя лохматая.

Глаза завидущие,

А руки загребущие.

Солнце светит на небеси.

Что ты, тетка, нам даси?"

И тут же с хохотом ломанулись они на улицу, чуть не вышибив косяки. Сзади бежала Нюра с клюкой. Не пришлось попробовать кумовьям бражки Нюры косой. Они двинулись дальше.

В большом крестовом доме жила большая дружная семья Зверевых. И так как кумовья немало помогли в строительстве этого дома, здесь они всегда были желанными гостями. У Зверевых была огромная лохматая собака по кличке Султан. Она очень соответствовала фамилии хозяев. И кому на ум пришло в тот вечер отцепить кобеля погулять? Кумовья подходили к воротам, а Султан мчался к ним из огорода.

Пашка первым понял, чем дело пахнет, и кинулся бежать, не разбирая дороги. Кобель, видимо, решил, что преследует медведя, и побежал мимо Сашки. А Пашка, завесив глаза козырьком, мчался прямо на электрический столб. Удар был настолько силен, что у Пашки лязгнули зубы, а столб загудел. Пашка Навзничь упал м дико. Кобель, перепутавшись, с лаем бросился бежать домой. Сашка, ничего не поняв, кинулся к куму. Тот лежал, раскинув руки м ноги, а между ног стоял столб. Он уже не гудел, а гудело в голове у Пашки. Он попросил Сашку, чтобы тот снял с него шапку. Сашка приподнял кума, посадил и потянул шапку, но не тут-то было. А ведь Сашка работал плотником - рубили двухквартирные дома в совхозе. Лес был сосно-

ядренный. Но он всегда брался за комель. Пальцы у него - как пассатижи, была м силенка. И шапку с кума тянул ве щутя, но та не поддавалась.

Поднял Сашка кума под мышки и повел к Зверевым. Напуганный кобель и не гавкнул. Зашли в дом. Хозяева сразу их не

признали, но начали раздевать Пашку. Когда разрезали шапку, то на лбу увидели шишку с кулак. Хохотали до слез. Наливали Пашке больше всех. Вскоре он захмелел и запросился домой.

Дома жена всплеснула руками и давай пытать кума, что да как. Уложила Мута спать. На лоб повязала повязку с прополисом. Через два дня шишка спустилась вниз и проявилась на глазах двумя черными синяками.

Пашка ходил в темных очках, а мужики на работе в гарарне донимали - просили рассказать, как онм с кумом ходили славить.

К У М О В Ъ Я

Ночами уже подстывало. Утром под ногами похрустывала еще зеленая трава, но день был теплым и приятным. В воздухе звенели насекомые, однако, все готовилось к зиме.

Кумовья Сашка и Пашка собирались вывозить сено. Нужен был третий человек, вдвоем несподручно. Идеальный вариант - двое подают сено со стога, третий раскладывает его на машине. Раньше они всегда возили втроем, по очереди, пока все не вывезут. Но в этот год Игнат заболел и ае стал косить сено. Поэтому Сашке и Пашке пришлось призадуматься.

Напрашивался там один. Но он уже не в одну компанию вnderялся и старался, чтобы ему первому сено вывезли, а потом начинал мудрить. То вилы сломает, то у него плечо заболит, а то, не мудрствуя лукаво, напьется и валяется под стогом, пока мужики пашут. Кумовьям нужен был партнер постоянный и не лукавый.

Пашка вдруг вспомнил про Костю - мужа его двоюродной сестры. Костя был маленький, кривоногий, но жилистый мужичок. На его угловатом черепе не было ни одной волосинки. В детстве из-за этого его дразнили Сухарем. Когда стал парнем, то ни одна девка за него не хотела идти замуж. Шура же пошла назло своему жениху, которого ждала из армии, но тот вдруг приспал письмо с обидными для нее подозрениями.

У Пашки не было родной сестры, и он любил Шуру как родную. И страшно обиделся, когда узнал, что она собралась замуж за Костю, даже на свадьбу не пошел. Но время лечит.

Пашка привык к Косте и частенько даже помогал ему. То угля привезет, то еще пем. Костя имел незлобивый характер, да и трепачом не был. Держал хозяйство, хотя, казалось бы, на кого тянутся? Ему с . Шурой бог детей не дал. С Шурой жил плохо. Она его не уважала. А когда вошла в возраст, стала ему изменять. И не с кем-нибудь, а с соседом, что жил за стенкой - Петром - статным и красивым мужиком. Их семья занимали двухквартирный дом.

Петро работал бригадиром полеводческой бригады, а Шура в ет бригаде поварила. Там ■ снюхались... Из-за этого от жена, забрав с собой ребятишек, он стал часто пить - не разбирал, где м с кем. Нужно было чем-то заполнить образовавшийся жизнен-

вакуум. И он, потеряв опору, жил по инерции - без смысла. Внешне статные и красивые люди бывают слабоваты "нутром", другой неказист собой, но "кремень". Бог все делает пропорционально.

С Шурой у Петра свидания были нечастными, но жаркими до физического изнеможения. Она просила Петра бросить пить, но ее просьбы оставались без внимания. Так и катилась жизнь - чертовым комом.

Утром за завтраком Костя сказал жене, что нынче будет вывозить сено с Пашкой и его кумом Сашкой. Сегодня после обеда и начнут. Сказано это было к тому, чтобы Шура сама управлялась с хозяйством. И она не возражала. Даже наоборот, поддержала его планы. Костя это пришлось по сердцу, но Шура смекала свое. Вчера Петро забежал на обед в столовую, трезвый, и так озорноглянул на нее! У нее аж сердце екнуло. Вот она о чем думала, поддакивая Косте. Сегодня у нее выходной. Они работали вдвоем через день, все должно получиться.

Уехать мужикам после обеда не вышло, Пашку оставили в распоряжении завгара. А того как прорвало: то ему туда надо, то сюда... В четыре часа Пашка взмолился: "Захарыч, отпусти, сено собрались вывозить, мужики ждут..."

Захарыч не стал выкамуриваться, отпустил, хотя у него была давнишняя обида на Пашку. Как-то они "загудели" в гараже, потом их потянуло на природу. И они уехали на берег реки. Обратно возвращались кто как. Захарыч оказался в кузове один и в горизонтальном положении. Пашка несся, не разбирая дороги. Бедный пассажир катался от борта к борту. Когда Пашка подвез его к дому, то открыл борт и поднял кузов своего самосвала. Захарыч кулем подкатился под свою калитку. На крыльце стояла изумленная жена. Утром Захарыч поехал в больницу. У него оказались сломаны два ребра. А количество остальных ушибов сосчитать было невозможно. Тело зажило, а память осталась, тем более, что пришлось завгару на парткоме отчитываться. Вышло, что Пашка оказался герой, а Захарыч побитая собака. После этого Пашка особо учтиво относился к своему начальнику, но завгар перестал выпивать со своими подчиненными.

Пашка подъехал к своему дому, мужики уже толкли в ограде, поджиная его...

Первый воз нагрузили быстро, и стожок вошел в кузов весь. Красота. Начали утягивать сено веревкой. Перекинули ее через бастрык и стали тянуть. И тут Костя с криком "погодите меня" слез с воза помогать им за веревку тянуть, ну и потому как был самым маленьким, то ухватился последним. Пашка чуть не стокилограммовым весом повис посередине, а Сашка перед ним повис на

веревке. В этот момент она возьми, да и лопни - будь она неладна!

Сашкин жесткий плотницкий кулак угодил в глаз Пашке. И тот мешком упал на Костю, ударив его в грудь локтем. Костя хрюкнул, и дух у него зашелся. Сашка откатился в сторону, а Пашка какое-то время лежал на Косте, получив "грозовой разряд в глаз".

Когда "звезды" пролетели, Пашка встал. Костя же, перевернувшись вниз лицом, запричитал: "Ох, убили, убили, гады, грудь сломали...".

Кумовья долго приводили в чувство своего несчастного коллегу. Достали фляжку из-за сиденья и налили чуть не стакан первача Косте. Тот перестал блажить, сел на землю, постанывая и потирая грудь, принял стакан. Броде как полегчало.

Через полчаса они увязали воз и направились домой. Ехали медленно. Воз плавно покачивался из стороны в сторону. Костя лежал на стоге, закутавшись в дождевик. Ему на ум пришла Шура. "Поди, управилась там без меня", - думал он.

А тем временем Шура собралась ехать в бригаду на мотоцикле со своим любовником. Петр посоветовал надеть ей что-нибудь потеплее. Она надела Костины куртку и по инерции сунула руку в карман, вытащила лекарство и вслух сказала: "Мой забыл таблетки. Когда работа тяжелая, у него желудок болит". Петр, выслушав зазнобу, усадил ее в люльку, и они тронулись в путь.

Машина с возом подходила к мосту, за которым начинался поселок. Косте захотелось покурить. Он сел, повернулся спиной к ветру, чтобы спичку не задуло, да и чтобы искра не полетела на сено. Стал прикуривать. Машина в это время переезжала мостик, над которым сильно провисли радиопровода.

С той и другой стороны моста были выбоины, и машина очень тихо спускалась, поэтому первый толчок в спину был резкий. Но машина двигалась, и провод, натянувшись, стал срезать Костю с воза. А тот вместо того, чтобы упасть на воз, закинул руки на проволоку.

Машина пошла дальше. А на проволоке повис эдакий "крылатый Серафим" в дождевике.

Автомобиль с моста прямиком направился в село. В это время с правой стороны подъехали Петр с Шурой. Мотоцикл нырнул в яму, и на подъеме луч фары осветил Костю.

У Петра аж дух перехватило. Что за чудо висит над мостом, как распятие, и ножками дрыгает, словно таракан в паутине? Руки перестали слушаться, и они с Шурой поехали наискосок моста, прямо в речку.

Мотоцикл упал под берег, а Петр - в воду. Шура, сделав кульбит, угодила в самую тину...

Костя поднял руки кверху и упал на дорогу. Ударившись та-
бородком о колено, прикусил язык. Несмотря на свои проблемы, его
внимание зафиксировало, что кто-то свалился в речку, и он стал
прислушиваться к голосам снизу. Но что такое? Ему показался
женский, голос слишком знакомым. Костю кинуло в жар - то ли а
пережитого, то ли от догадки, которая "выползла из подсознания
ядовитой змеей".

Он соскочил, сделал шаг, наступил на путь дождевика и снова
упал. Чертыхаясь, сплевывая кровь, он вывернулся на злополучно-
го "балахона" и, подойдя к краю моста, стал вглядываться в коло-
шащиеся внизу тени. В это время Шура упрекала Петра в том, что
тот трус: испугался клока сена, который повис на проводе. Но по-
сле оклика Кости замолчала, замерев от ужаса.

Костя крикнул: "Как ты сюда попала?" Хотя догадка уже пе-
рерастала в убеждение. И он забегал по берегу, распаляя себя. Любовники попали в неприятную ситуацию.

Неожиданно Петр вспомнил о таблетках. Вылезая на берег,
стал упрекать ревнивца: "Жена о его здоровье заботится, чуть
не погибла, а ты из себя Отелло разыгрываешь. Мы же тебе
таблетки везли!"

Петро вылез на берег, подал Косте руку. Тот, еще в недоуме-
нии, пожал ее.

- Так я че, я думал, вы из меня Кирьяна сделали, как в
"Вечном звуке".

Шура мигом сориентировалась, уже командным голосом
крикнула:

"Вы скоро вытащите меня отсюда!"

Ей было холодновато стоять по пояс в воде, покрытой тиной.
Мужики быстро нашли хворостину и при помощи ее вытянули
Шуру. Она, полностью взяв ситуацию под контроль, своим корон-
ным жестом сунула мужу пузырек с таблетками.

- На, я из-за них чуть голову не свернула.

Костя глянул на жену с собачьей преданностью и заюлил вокруг.

Вытащив мотоцикл, они вместе поехали домой. Костя, укутав
жену в свой дождевик, усадил ее в люльку.

Машина с сеном плавно подъехала к месту разгрузки. Кумо-
вья, выйдя из кабины, крикнули Косте, но тот не отзывался.

В это время подъехал мотоцикл. С него кто-то соскочил и, ко-

солапя, подбежал к ним. Мужики переглянулись и чуть не враз: "Ты откуда взялся?"

Костя ответил, что слез дорогой по нужде.

Когда сидели за столом, Пашка спросил Костю о том, как все-таки тот слез с воза. Костя ответил просто: увидел жену, которая везла ему таблетки, вот и соскочил...

Пашка долго и внимательно смотрел на Костю и дал ему совет: "Продавай ты корову, а Шурке сделай глаз, как у меня. Это будет правильно".

Когда сидели за столом, Пашка спросил Костю о том, как все-таки тот слез с воза. Костя ответил просто: увидел жену, которая везла ему таблетки, вот и соскочил...

Когда сидели за столом, Пашка спросил Костю о том, как все-таки тот слез с воза. Костя ответил просто: увидел жену, которая везла ему таблетки, вот и соскочил...

Когда сидели за столом, Пашка спросил Костю о том, как все-таки тот слез с воза. Костя ответил просто: увидел жену, которая везла ему таблетки, вот и соскочил...

Когда сидели за столом, Пашка спросил Костю о том, как все-таки тот слез с воза. Костя ответил просто: увидел жену, которая везла ему таблетки, вот и соскочил...

КУМОВЬЯ

У дедушки Бухмистова был огромный бык. Дед запрягал его и возил дрова и сено. Пасся бык на привязи - пастух боялся брать его в стадо. Бухмистов старел, и уже не хватало сил косить сено для быка и коровы.

Быка надо было убирать. Вот и в тот год дед накосил сено только для одной коровы. Вывез к зиме и сено, и дрова, а когда ударили морозы, решил быка зарезать. Одному старику такая работа не под силу, и он позвал Сашку и Пашку.

Кумовья осенью ходили с ножами за голенищами и паяльной лампой. Известные были забойщики. К Бухмистову в девять утра, чтобы пораньше управиться. Были они с похмелья, так как вечером резали поросенка у Гутри. Она откормила "великану" - одному можно под мышкой унести. Зато обмывали по полной программе. Выпили пол-логушка браги и съели пол-поросенка. Утром с больными головами пришли к деду.

Долго намекать не пришлось. Бухмистов налил им по одной. Немного погодя лев, кумовья запросили еще. Дед знал крепость своего самогона и засомневался: "Дак, ребяты, сделайте дело, тогда уж гулять будем". Но где там! Мужики все-таки выпросили еще по одной. В избе прибавилось шума, а у забойщиков движения стали неточными. Вышли они на крыльцо. Лица - хоть прикурирай. Осмотрели забор денника, выбрали столб, который потолще. Дед вынес кувалду с длинной ручкой, сам вывел и привязал быка к столбу, после чего удалился.

Пашка взял в руки кувалду, а Сашка достал из голенища нож. Удар был сильным, но не точным. Самогон сделал свое дело. Пашка не попал быку в лоб, а ударил по рогу. Бык взревел. Столб оказался подгнившим и сразу отломился, бык поднял столб, мотнул головой, глаза его покраснели от гнева, и он двинулся на своих обидчиков. Пашка кинулся на крыльцо и заскочил в сени, Сашка же стоял с другой стороны, и путь к дому ему был отрезан. Поэтому он заскочил в сарай и захлопнул за собой дверь. Но сразу же последовал страшный удар. Дверь разлетелась, как игрушечная.

Сарай был покрыт камышом, а потолка не было. Сашка перескочил в клетку к свинье, лег на нее и затих. Быку помешал войти в сарай столб. И бычара начал усиленно мотать головой. Вскоре столб выпал, лишь веревка волочилась за обиженной

скотиной. Бык вышиб калитку и оказался на улице. В это время через дорогу шла тетя Груня, она взяла взаймы у соседки большую чашку муки и теперь важно шествовала домой, неся ее перед собой.

Бык остановился перед ней, издал страшный звук, похожий на медвежий рык, пригнул голову и гребанул копытом мерзлую землю. Тетка Груня, опешив, вытянула вперед руки с чашкой. Животина ударила рогом под дно чашки. Мука брызнула фонтаном и стала оседать на быка, а чашка оделась тетке Груне на голову. Та выпрыгнула из галоши, и, мелькая заплатками на шерстяных носках, рванула обратно к соседке.

Бык потряс "напудренной" башкой и двинулся вдоль по улице, издавая угрожающий рев, ворочая красными глазами. Вокруг уже собирались свора собак, сопровождая его шествие.

В это время навстречу ему из переулка вышел дед Елифан. Был он глуховат, слеповат, да к тому же нес вязанку сена, которая почти накрыла его и издавала приятный шорох. Дед шел и раздумывал: "Вот выпадет снег, возьму лошадку и привезу сено, а пока козе дней на несколько хватит". Бык, заметив движущуюся мишень, побежал к деду рысью.

Удар был сильный, но пришелся в вязанку, и Епифан сделал бо-о-о-ольшой прыжок. Удивительно, как он смог устоять на ногах. Обернувшись, дед сразу же понял, в чем дело, и бросился бежать. Откуда прыть взялась! А бык ну давай бодать вязанку. И не бросил это дело до тех пор, пока все по одной травинке не растряс по дороге.

В это время дед Бухмистов пробирался задами к охотнику, который жил через три дома...

Быка застрелили. Много мужиков собралось его обдирать, а пить самогон - еще больше. Там же были и кумовья. От Сашки густо пахло свиным навозом, а Пашка все оправдывался за свой промах. На тетку Груню навалилась слабость живота. А у деда Епифана отпустила боль в спине, мучившая его вот уже несколько лет.

НАЗИХИНА КОЗА

Бабка Назиха жила одна в маленькой избушке. Она была известна в нашей деревне тем, что читала по покойникам и ей не требовался псалтырь, так как все молитвы она знала наизусть.

Почти каждый день, накормив свою живность, она надолго уходила из дома. Всей живности у нее было: три курицы, петух и коза Катька. И если Назиха имела характер совсем не смешливый, а вид - святой скорбящей, то коза была полной ее противоположностью. Нагловатые навыпучку глаза, длинная борода и большое к вечеру вымя с торчащими в разные стороны двумя дойками, все как бы подчеркивало ее пакостливую натуру.

Так как в нашем kraю жили в основном советские пролетарии, заборы были плетневые. Редко у кого забор был тыном загорожен, это из той же чащи, только стоя. Особенно через старый плетень козе перемахнуть не составляло труда. Часто слышалась брань из чьего-нибудь огорода, потом высакивала коза с пучком травы во рту, а следом - хозяин с палкой. Наш двор она тоже не обошла.

У нас была собака - дворняга, средних размеров, каштанового окраса, по кличке Каштан. На цепи он лаял свирепо, но не было безобиднее существа, если он был отвязан. Была у Каштана одна особенность: он спал на боку, откинув лапы и хвост, как дохлый, при этом он часто вздрагивал и взлаивал во сне. В одно прекрасное утро мне особенно хотелось спать, но Каштан, видя свои кошмарные сны, то и дело взлаивал, тем самым не давая мне углубиться в сон. Я решил его проучить. Слез с сеновала, взял пустую ванну, которая лежала на погребе кверху дном, накрыл потихоньку ею Каштана. Тут же подвернулась штыковая лопата, ну я и вдарили лопатой по дну ванны. Эффект был изумительный. Ванна подлетела выше, чем на метр, цепь лопнула, как нитка, очумевшего беднягу прохватил понос, и он оставил длинный след до самой калитки. Калитка в ту сторону не открывалась никогда, стала открываться, а Каштана больше уже никто не видел.

Шкодная Катька сразу заметила перемену в нашем дворе, забралась в огород, но мало того, каким-то чудом забралась на сеницы, там на рассстеленных половиках сушилась клубника. Не было лучшей начинки в пирогах, чем запаренная кипятком клубника с сахаром. Козе было без разницы, что мы с матерью, набрав по ведру

клубники, тащились с ней десять километров по жаре.

Мы с козой увидели друг друга одновременно, она стала высматривать место, куда махануть, а я - искать подходящую палку, но Катька меня опередила и сбежала, не получив по бокам палкой.

У нас за стенкой жил дед Троха Балагур, врун и хохмач. Был он высокого роста, ходил потихоньку, дышал с посвистом. Он был вторым по знаменитости в нашем kraю, после Назихиной козы. Но его, видимо, давно не устраивал такой расклад.

На второй день после "клубничного похмелья" коза опять появилась вблизи нашего забора. Я с друзьями выходил в улицу, мы направлялись на исток поселять щучат, а дед Троха сидел возле своей калитки в излюбленной позе - на kortochkax - так он мог сидеть часами. Он, склонно поглядывая на козу, спросил меня: правда, что коза сожрала клубнику, и, получив утвердительный ответ, предложил отомстить ей. Его предложение нас не насторожило, мы представили себе, как коза будет плясать и сразу согласились.

Тот год по нашей улице прокладывали электролинию, и везде можно было найти алюминиевой проволоки. Дед Троха отдавал команды, и мы, поймав козу, стали, сжимая рога один к другому, закручивать их прозолкой, типа восьмерки. Когда мы отпустили козу, она, еще больше выпучив глаза, пошла по кругу, поматывая бородой, потом виражи ее стали круче, мы стали хохотать, а она, как бы отзываясь на поощрение, стала подворачивать круче шею, по кругу пошла вприпрыжку, вставала в дыбки, потом кувыркалась через голову и кричала: "Бя...". Мы уже катались от хохота, и не жалко уже было клубники. В этом веселье мы не заметили исчезновения деда Трохи, да и коза почему-то стала высовывать язык, тяжело дышать, заваливаться на бок и уже не вызывала того восторга. Мы не успели опомниться, как коза окончательно упала на бок, ее хвост-лопатка мелко задрожал, из-под него посыпалась горошины, налитые кровью глаза закатились, копытца дернулись, и она испустила дух.

Сначала мы, как бы извиняясь друг перед другом, начали задавать вслух вопрос: "А че это с ней?" - А потом, поняв, что за это придется отвечать, кинулись врассыпную. Несколько дней мы не встречались друг с другом, а потом, когда сошлись, подсчитали "трофеи": биты были все, и кроме того, каждой семье коза обошлась в 50 рублей. А стоила она тогда всего 75 рублей.

Бабка Назиха тут же купила другую козу по кличке Мотька. Добрейшая коза. Но мы не позволяли себе даже погладить ее. Вдруг что случится и на нас скажут.

Троха опять сидел на корточках и весьма равнодушно поглядывал на Мотьку, потому что "авторитет" его стал значительно выше. Но теперь мы мучительно думали, как отомстить деду Трохе, и додумались. Дед Троха затопил среди лета русскую печь кизяком, и, когда кизяк путем разгорелся, один из нас подпер дверь избы палкой, а другой снял с забора старую фуфайку, залез на крышу и заткнул трубу. Делали мы это на одном дыхании, не мелькая под окнами, потом убежали за огород и наблюдали, как двухметровая фигура деда, переломившись надвое, вылезала в окно, как он надрывно кашляя, мотал головой.

Часа через два мы шли по улице как ни в чем не бывало, а навстречу вышел дед Троха. Глаза у него были красные, как у Назихиной козы, м вообще, выражение его лица стало напоминать нам первую Назихину козу. А нас стало преследовать чувство стыда, и мы старались не попадать на глаза этой кроткой набожной старухе - бабке Назихе.

Однажды в цепон "Этих он велел" в этот день у нас было много времени, и мы решаем пойти в лес, чтобы отдохнуть. Мы хотели пройти вдоль реки Сары-Узень, но дед Троха нас остановил, сказав, что в лесу живет коза, которая может укусить. Мы не верили ему, но дед Троха был очень стар и мудр. Поэтому мы решили пройти вдоль реки Сары-Узень, но дед Троха нас остановил, сказав, что в лесу живет коза, которая может укусить. Мы не верили ему, но дед Троха был очень стар и мудр.

Всего в лесу мы прошли час, и дед Троха нас остановил, сказав, что в лесу живет коза, которая может укусить. Мы не верили ему, но дед Троха был очень стар и мудр. Мы прошли еще час, и дед Троха нас остановил, сказав, что в лесу живет коза, которая может укусить. Мы не верили ему, но дед Троха был очень стар и мудр. Мы прошли еще час, и дед Троха нас остановил, сказав, что в лесу живет коза, которая может укусить. Мы не верили ему, но дед Троха был очень стар и мудр.

ВАЛЬКА ШПИОН

Валька рос без отца. Жили в плетенюшке втроем: мать, Валька и сестра его Райка. Жили бедно, а вот чего у них было вдосталь, так это вшей. В школу Валька постоянно ходил "обчекрыженный" барабаньими ножницами. В вельветке, широких шароварах и кирзовых сапогах он казался старше своих сверстников. Играть ему было почти никогда, так как у матери он был первым помощником. То они носили дрова вязанками из забоя, то мазали избу глиной, то работали на бригаде. Но если Вальке удавалось вырваться поиграть с пацанами - тут забывалось обо всем. Его зеленые косовые глаза замечали все несправедливости, и тогда он начинал орать недетским хрипловатым голосом. А если кто-нибудь называл его "шилом бритый", он сразу бросался в драку. Валька, конечно, не был виноват в том, что в детстве он переболел ветрянкой, из-за него его лицо и стало корявым.

Кличку Шпион Валька получил из-за пристрастия играть в войну, где ему всегда хотелось быть разведчиком. Однажды, когда ему было лет десять, Валька "по игре" пошел в разведку. Вся его задача сводилась к тому, чтобы узнать, где залягут противники, и он, отодрав две штакетины снизу, залез в огород к самому злому мужику деревни - Сане Дятлу. Саня Дятел получил свою кликуху из-за того, что фактически "задолбал" жену и детей, да и соседи избегали его за жуткий характер. В этот день он сидел на крыльце и читал газету об освоении целинных и залежных земель, и вдруг их дворняга на цепи залаяла в сторону сарая. Хозяин отправился туда - и, о Боже!

За сараем из травы, что росла вдоль забора, торчали чьи-то ноги с потрескавшимися пятками. Дятел принял позу леопарда и прыгнул на нарушителя огородных границ.

Валька, не ожидавший такой "контрразведки", особо и не сопротивлялся, но когда Дятел содрал с него короткие шаровары вместе с трусами и начал усердно "парить" его крапивой, Валька стал крутиться, как уж под вилами. Ударив "контрразведчика" в пах, Шпион вывернулся и помчался по картошке с голым задом, а хозяин огорода, размахивая Валькиными шароварами, бежал следом и орал.

Валька перемахнул через забор и тогда только понял, что бежит без штанов и задница его горит от крапивы. Здесь оставалось только одно: рвануть к речке.

Пацаны, малость подождав, пошли искать своего разведчика. В речке из воды торчала одна голова, и эта голова плакала. Валька не рыдал, нет. Просто слезы огромными хрустальными каплями катились по его щекам и растворялись в речном потоке. Пацаны замерли. Они никогда не видели Вальку плачущим, и у некоторых от этой картины задрожали губы. Один, постарше, сказал:

"Вальк, на мои штаны, пойдем домой".

"А ты как?" - спросил Валька.

"А я до твоего дома дойду в трусах."

Дорогой Валька клялся, что отомстит Дятлу, но после того случая деревенские насмешники дали Вальке кличку Шпион, и его имя без этой приставки уже не произносилось.

Года через три, когда Валька уже курил 4 матерился, произошел еще один случай, связанный с его "шпионской деятельностью".

Заканчивалось лето, до первого сентября оставалось несколько дней. Все пацаны были дома: кто вернулся из гостей, кто из пионерлагеря. Тех, кто работал на бригаде, тоже уже отпустили. Пацаны собирались у речки. Некоторые осмеливались обкупнуться, но в основном все сидели вокруг и слушали Ваньку Балду. Ванька Балда был старше всех и врал классно. Все знали, что он врет, но сауманн. Он не только умел хорошо врать, но и был затейником всяких пакостных игр. И вот на берег пришел маленький парнишка по кличке Чирок. Он еа пирожок с ливером; а второй, еще не кусанный, держал в другой руке. Чирок сообщил всем, что сейчас придет Валька Шпион. У Ваньки Балды сразу созрела идея: он выпросил у Чирка не надкусанный пирог, надорвал бок, палочкой выскреб весь ливер, набил пирог овечьими горошинами и положил его на бумажку посреди круга. Предупредил всех: "Тихо, пацаны, кто проболтается, получит".

Валька подходил шумно, издалека всех приветствуя, но встретили его почему-то гробовым молчанием. Валька, оглядев толпу, остановил свой взгляд на красивом поджаристом пироге. Ванька Балда, перехватив его взгляд, предложил: "Давай, Валька, играть в шпиона". "Как это?" - спросил Валька.

"Ты будешь шпион, тебя все будут искать, а ты должен втихушку украдешь пирог. Украдешь - будет твой, можешь его съесть".

Валька глянул на пирог и, не заподозрив подвоха, сразу согласился. Он стал двигаться к пирогу то ползком, то перебежками, а охрана будто бы и не замечала его. Валька завладел-таки вожделенным пирогом, схватил его и принялся из всех сил лопатить. Но что это? Парень резко остановился, поднял руку с пирогом и стал внимательно разглядывать начинку. Врубившись, что к чему, он резко бросил пирог оземь и принялся прилежно отплевываться. Пацаны, кто постарше, схватились за животы, "мелкие" отбежали от Вальки подальше и тоже покатывались.

После сего инцидента Валька стал столь осторожен, что кличка Шпион сделалась ему совершенно к лицу. В армии он служил в разведбате, а потом, поднявшись по служебной лестнице, стал работать в комитете государственной безопасности - то ли разведчиком, то ли шпионом - это уже как кому больше нравится. Но первую свою агентурную разработку он вряд ли когда-нибудь забудет.

ПРАЗДНИЧНЫЙ УЖИН

Несмотря на скучную жизнь алтайской глубинки в 60-х годах, народ находил в ней маленькие прелести и юмор.

Внешне Кузьмич напоминал нахохлившегося ястреба. Крючковатый нос, мохнатые брови, нависшие над маленькими, узко поставленными глазами, создавали впечатление, что он суров и дерзок. На самом же деле это был человек мягкий, работящий и чудной. Правда, пьяный Кузьмич имел обыкновение куражиться над Степанидой - женой своей. Поэтому, когда муж приходил домой расслабленный, жена старалась не попадаться ему на глаза, чтобы не слышать обидное для нее слово: "вобла". Степанида была суха, не имела детей, и податься ей было некуда. Поэтому молчала и терпела кураж мужа. Однако, несмотря на эту своеобразность, из их небольшого, но крепкого дома истекала волна устоявшейся жизни.

7 марта - день предпраздничный. Степанида с утра работала по дому, и хотя уже устала, отдохнуть не собиралась. Ведь завтра - 8 Марта, женский день. Это в том смысле, что женщина должна сделать все, чтобы мужчины гуляли и отдыхали, откупившись от жены каким-нибудь платком или пузырьком "Сирени".

Степанида поглядывала в окно, поджиная мужа с работы. Но его все не было.

Смеркалось. Степанида включила свет. Налила в большую чашку горячей воды и начала мыть посуду. Вдруг услышала стук калитки и приветственное повизгивание Абрея - старого кобеля.

Кузьмич зашарился в сенях, заматерился. Степанида поняла, что он пришел пьяный, и горечь комом подкатила к горлу.

Она хотела быстро убрать со стола, но вдруг погас свет. Со светом в их краю была беда, особенно в бураны.

Степанида залезла на русскую печь и затихла. Кузьмич, произнося проклятия, ввалился через порог. Начал шарить по столу в поисках пищи, бормотал, чиркал спичками. Наконец загремел ложкой, зашвыркал. Чего-то долго жевал, чавкал, ругался.

Женщина, пригревшись на печи, как-то незаметно заснула. А Кузьмич, начавкавшись, уронил голову на стол, отключился.

Степанида проснулась далеко за полночь оттого, что в кухне горел свет, да еще от тяжелого стука. Она слезла с печи. Кузьмич хрюпал на полу, неудобно подвернув руку. Жена поправила мужа, сунула ему под голову подушку.

Решила убрать со стола и обратила внимание на большую

чашку, в которой мыла посуду. Она была пуста, рядом лежали марля и кусок недоеденного хлеба. Стол был сухой. Степанида поняла, что он хлебал из этой чашки, и ее разобрал смех.

...Ну ладно, не умрет, - решила она, убрала со стола, потушила свет и легла спать.

Утром слышит стон. Кузьмич проснулся, голова болит и в животе уто-то нехорошо. Степанида встала, вышла на кухню. Кузьмич сидел на полу, глянув на хозяйку, перестал стоить: неудобно, ведь 8 Марта, а он с похмелюги, да тут еще живот крутит. А жена почему-то с ухмылочкой спросила: "Поди, есть хочешь?"

Кузьмич отрицательно помотал головой:

- Я х е еп чего-то ночью, суп, кажется...

- Ну и как тебе суп?

- Вроде ничего, только мясо сырое, не доварилось, наверное...

Степанида смеялась от души. Так она не смеялась уже много лет.

Надо же так напиться! Мочалку жевал вместо мяса.

Кузьмич, насупившись, глядел на жену, но в душе был рад, что она с утра веселая и не ворчит.

Степанида смеялась от души. Так она не смеялась уже много лет.

Надо же так напиться! Мочалку жевал вместо мяса.

Кузьмич, насупившись, глядел на жену, но в душе был рад, что она с утра веселая и не ворчит.

Степанида смеялась от души. Так она не смеялась уже много лет.

Надо же так напиться! Мочалку жевал вместо мяса.

Кузьмич, насупившись, глядел на жену, но в душе был рад, что она с утра веселая и не ворчит.

Степанида смеялась от души. Так она не смеялась уже много лет.

Надо же так напиться! Мочалку жевал вместо мяса.

РАССКАЗ

Б Е С П О П У Т А Л

Тетка Фрося жила одна в покосившейся избенке. В гости к ней ходили такие же пожилые одинокие женщины. Грызли семечки, играли в карты, сплетничали...

В этот день, ближе к вечеру, пришли две подруги, чтобы в ночь перед Рождеством погадать. Смеркалось, но свет зажигать не стали, а поставили в стакан свечку. Разговаривали тихо: про молодость, как раньше гадали. Постепенно разговор зашел о всяких чудесах, о чертях.

Атмосфера таинства вперемешку со страхом гуляла по Фройсиной избушке. Хозяйка решила затопить печь. Присела против печки на маленький стульчик, захлопнула поддувало и начала шурudить клюшкой в печи еще горячий шлак. Вдруг поддувальная дверка резко распахнулась и что-то комом вылетело оттуда прямо на Фросю. С испугу она упала со стульчика, тромыхнув головой о жестянной умывальник. Вскакивая, Фрося закричала: "Бабы, черт!". А "черт" метался по избе, и искры сыпались в разные стороны, глаза горели зелеными огнями.

Фрося кинулась на улицу, бабы - за ней. На ее пути в угол стояла швабра. Она наступила на поперечинку, и рукоятка ударила ее в висок. Фрося, охнув, упала ничком, сзади кто-то на нее навалился. Она подумала: "Это он поймал, сейчас будет душить". Крепко зажмурила глаза и стала причитать: "Спаси и помилуй, спаси и помилуй".

В это время подруги, запнувшись и упавшие на Фросю, все же поднялись, перешагнули через хозяйствку и чесанули что было духу каждая восвояси.

Одна очухалась, поняла, что бежала в одних шерстяных носках. Благо, что жила через два дома. А другая с испугу нагишом убежала на соседнюю улицу, к снохе.

А что же наша героиня? Фрося вышла из оцепенения потому, что в открытую дверь валил мороз. "Раз еще жива, нужно вставать, а то простужусь", - подумала она. Встала на ноги, включила свет, захлопнула дверь, накинула крючок.

"Дак что же было?" Валится швабра, валится стульчик, по половикам зола, а на кровати сидит кот и облизывает подгоревшую шерсть на спине и боках.

"Черт окаянный, фу ты, надо же! Как тебя в поддувало уголова раздило?" - ругалась хозяйка.

Затопила печь, поужинала, взяла кота и полезла под одеяло спать. Утром, чуть рассвело, пошла разносить вещи подругам. Те удивились, увидев ее живой и невредимой.

...Так начался для тетки Фроси год Кота.

БАЙКА

С Т А Л И Н С К И Е С А П О Г И

Мой старенький мопед бегал неплохо. Но ввиду его древности часто ломался. И однажды подвел меня, когда я спускался с горы. Тормозить я начал, когда пошел вразнос, тут-то и лопнул тормозной тросик. Я начал тормозить пятками, но они быстро нагрелись, оставляя шлейф пыли, а скорость все увеличивалась. Тогда я решил свернуть с дороги и направить мопед в гору. Решение в общем-то было правильным, только без учета эрозии почвы. Вдоль дороги в траве была промоина. Колесо попало в нее, повернулось. Перелетев через руль, я ударился грудью о землю, дух на какое-то время меня покинул, и я закрыл глаза.

Когда снова начал различать предметы, первое, что я увидел, это колесо деревянной телеги, потом ноги, вернее, одну ногу в кирзовом сапоге, а вторая была деревянной с металлическим кольцом внизу. Я приподнял голову, чтобы разглядеть свидетеля моего позорного падения, и встретился с одним цепким глазом, на втором была черная повязка. Мужчина шмыгнул своим крючковатым носом, улыбнулся, обнажив редкие прокуренные зубы, и спросил: "Что, контузию получил?". Я узнал этого деревенского балагура, он развозил по полям воду для свекловичниц.

Поднявшись на ноги, обнаружил, что одна из них сильно оцарапана. Дядя Гриша сочувственно покачал головой, хлопнул единственной рукой себя по коленке и сказал: "В моем организме половины частей не хватает, иично, живу. Ты знаешь какуюнибудь технику, чтобы она ходила без половины частей? Нет? Вот и я не знаю, а человек может. Я молодой тоже резвый был, как ты, а война дала мне окорот. Сейчас вот задымлю да расскажу, как я потерял ногу".

Он достал кисет и газету, свободно одной рукой закрутил цигарку, прикурил, сплюнул и начал повествование.

"На фронт я попал в 1942 году под Москвой. Зима была морозная, но бои были жаркие. Воевал я в разведдроте, и со мной всякие истории приключались.

Однажды ~~ходил~~ к фрицам в ~~тыл~~ и привел "языка" фриц оказался енералом. Вот за такой подвиг вызывают меня в Кремль, в Москву, значится. Кремль - это такая башня с петухом наверху. В той башне-Кремле сидит Сталин и фронтом управляет. Проводов от башни ~~идет~~ видимо-невидимо, и все на фронт, в кажину роту, а один, красный, идет ~~прямо~~ Гитлеру, моним друга по утрам страшают.

Повели меня в Кремль к Сталину, завели, а он цигарку крутить, дал и мне закурить. Посидели мы, значится, покурили. Он меня благодарил крепко за того енерала. Говорил, что теперь мы все секреты ихние знаем и победим, благодаря тебе, то есть мне, Гришке Хромушину. Он встал, достал медаль из сейфу и приколол ее мне на грудь. Я на медаль-то смотрю - батюшки, на ней написано: "За взятие Берлина". Я тогда спрашиваю товарища Сталина: не рано ли, мы еще Берлин не взяли, еще только 42-й год. Мы его в 45-м возьмем, к весне поближе. А Stalin тогда и говорит: "Спасибо, Григорий, уточ сказал, когда война кончится, за это, - говорит, - я тебе сапоги последние отдашь".

Сел на пол, снял сапоги. "Снимай, - говорит, - ты свой". Так и поменялись: он в моих кирзовых, а я в его хромовых. Благо, что размер один носили. На прощанье он мне чарку поднес, похлопал по плечу и велел сапоги беречь.

Вернулся я на передовую. Креисонденты за мной гужом вались, фотографии мом во всех газетах. Енералы очередь занимаются (как наши бабы за селедкой), чтобы мне руку пожать. Сама Шульженка в мою честь концерт давала. Во как!

Воюю я дальше, сапоги по утрам чищу, в разведку в них не хожу, боюсь себя обнаружить. Голенища заблестять, и германец накроет меня миной. Воюю, значится. Много я мхнх "языков" потаскал, полфронту, наверно. Ротами брал. Пуговицы со штанов обрежу, в колонну построю и веду. Они штаны руками держут, идут, ругаются: "Швайна, швайна!"

А под Сталинградом я не выдержал, на самый главный бой сапоги хромовые надел. Бились мы тот день насмерть. Я об ентих швайннов всю винтовку погнул, бросил ее, надел на голову тсху и начал их на калган брать, на кулак-то мне не сподручно: он здоровые, а я маленький, да и рука-то к тому времени у меня одна была. Вижу, фрицы меня минами обкладывают. Сапоги, стал быть, заметили. РИ рвутся то справа, то слева, а одна здоровая такая летит-воет, больше самолету, аж небо почернело. Думаю, ну, Гришка, пришла тебе крышка. И как шарахнет, так я больше ничего и не помню. Прошел тот бой, наши Сталинград отстояли. Тут сам Stalin приехал. По полу ходит, убитых считает, раненым дух поднимает, медали раздает. Глядит, что-то блестит. Потянул, а это нога человеческая в сапоге. Поглядел он, да и сапог свой узнал. Кричит: "Скорее сюда саперов давайте, здесь гиб-то Гриша Хромушим зарыт, найти быстро". Взвод саперов полдня рыл. Н а т , в земле метров пять в глубину завален был в воронке от той мины огроменной. Очухался я. Во рту, в ушах песок, кое-как саперы меня продули. Я глаза-то прокопал, глядь, сам Stalin передо мной сидит и чью-то ногу в сапоге в руках держит. Я хотел встать, да вижу: у меня ноги-то

не хватат. Так душа и захолонула. Даc вот, думаю, чью он ногу держит. Это, значится, он по салогу узнал, что я здесь.

Вот сапоги каку службу мне сослужили. А товарищ Сталин тем временем говорит: "Наслышиш я, Григорий, о твомх подвигах, товарищ Жуков мне докладывал. Награжу, говорит, я тебя самой дорогой медалью". И вручил мне медаль "За победу над Германией". Войне моей тут-то конец пришел. И поехал я в Алтай целину поднимать.

Вишь, какие истории бывають, а то, что ты ногу поцарапал, это не велика беда.

Ну, - сказал он, - мне пора, а то меня бабы в попе заждались".

Дернул за вожжи, и его кривоногая кобылка потащила в гору скрипучую телегу. Я поднял свой вихлястый мопедишко, растолкал его и на ходу оседлал. Переднее колесо выписывало восьмерки, заднее взбрыкивало на кочках, но мопед нес меня на встречу с новыми интересными людьми.

ПРИТЧА

ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

На дороге образовалась огромная пуха. Каждый день приходила и ложилась сюда толстая свинья. И каждый раз лесовоз, что регулярно проезжал здесь, объезжал пуху, чтобы не задавить хавронью, у которой из лужи торчали грязный бок и ухо. Оно время от времени шевелилось, отгоняя назойливых мух.

Худая свинья долго смотрела на эту несправедливость, ей обычно доставались мелкие лужи. Но однажды не вытерпела и пошла к шоферу. Подавляя пролетарский гнев, она прохрюкала: "Ты почему каждый день объезжаешь эту жирную морду? Дави ее!"

На следующий день, учтя "общественное" мнение, шофер поехал прямо и, притормозив перед лужей, сигналил до тех пор, пока ее хозяйка не покинула свое место.

На другой день худая свинья завалилась в освободившуюся большую лужу. Вскоре появился лесовоз и проехал прямо по луже. Так как у худой свиньи не было видно ни бока, ни уха.

Свинью худую в пойму,

Не следя примеру,

Ищите место по уму,

А лужу - по размеру.

ПОСЛЕДНИЙ ГРЕХ

Детство у Генки было не то чтобы тяжелое, скорее - сложное. Отец часто пил, мать постоянно ходила злая, маленькая сестренка - затюканная. Материальный недостаток компенсировала безгранична свобода, и Генка бегал с ватагами ровесников с утра до вечера. То играли в футбол, то купались до синевы, то лазали по огородам.

Зимой приходилось похуже - надо было учиться. Друзей рано загоняли по домам, что вынуждало прибежище, чтобы не слушать матерки своих родителей. Лет до шестнадцати его удовлетворяло общение с ровесниками. Но потом он как бы повзрослев, посматривал на них свысока, будто знал что-то такое, чего они не знали. У него появились дружки в городе, среди них были такие, которые не понаслышке знали нары. Сначала часто вызывали мать, потом Генку поставили на учет, но он, не задумываясь, без оглядки, что-нибудь вытворял. За решетку он угодил после того, как они с лучшим дружком Сенькой украли из стада овечку. Им мало было поесть мяса, так еще и выпить захотели. Продали возле магазина несколько килограмм, купили водки и подались к Джаге.

Генка бывал у него один раз, тот ему понравился своей крутистью и блестящим жаргоном. Когда Генка с Сенькой явились к Джаге с мясом и выпивкой, тот одобрительно похлопывал их по плечам и называл братками, друзья мчели от удовольствия. Нажарили мяса, стали выпивать. Джага взял в руки гитару, он играл виртуозно, и исполнил для них самую блестящую по тем временам:

"Отец мой - Берия, а мать - Каплан,

А дедушка - Калинин Михаил.

Мы жили весело в Москве на Красной площади,

Иоська Сталин к нам по пьянке заходил."

Он мог играть и петь сутки, знал все двадцать два куплета "Гоп со смыком".

Когда ввалилась милиция, Генка спал. Кто-то грубо ткнул его в бок, он был ошаращен появлением милиции, но больше тем, что Джага говорил следователю: "Я не знаю, откуда мясо это пацаны притащили. Я им говорил, забирайте его и идите отсюда". Сразу кумир в глазах Генки стал маленьким и подлым. Генка с Сенькой оказались на скамье подсудимых. И он получил первый срок. Уже заканчивался срок, когда пришло сообщение,

что умер отец. Смерть его была логическим завершением жизни пьяницы. Утром с похмелья, сердце не дождалось очередной порции, потому что никто из соседей не хотел дать взаймы.

Генка пришел домой осенью, когда выпал снег. Матери дома не было. Сестра делала уроки, накинув на плечи старое пальтишко. Печка была ~~на~~ топлена, есть было нечего. Он сходил в дровяник, там не было ни угля, ни дров. В сенцах нашел топор с расколотым топорищем, отбил от забора несколько штакетин и затопил печь. Нажарили картошки на воде. За едой Генка пытался поговорить с сестрой, но та на все вопросы отвечала то-неньким дрожащим голосом. Ему захотелось погладить ее по голове, но он подавил в себе ~~этот~~ приступ сентиментальности.

Первое время Генка искал работу. Но нигде его брать ~~не хотели~~, потому что у него не было никакой специальности и даже трудовой. А когда он прекратил эти бесплодные поиски, его взял на учет участковый инспектор, ~~но не~~ для того, чтобы помочь, а чтобы посадить, и вскоре посадил. До тридцати лет у Генки было уже четыре судимости.

Перестройка застала его в лагере, там тоже все что-то сутились. В лагерях начался беспредел, а в Москве - передел. Объявили большую амнистию, и Генка по кличке Шарнирный ~~ех-ан~~ домой. Дома ждали неприятности.

Мать обменяла ~~их~~ старую хату на комнату в общежитии. Мужик попал с деньгами, ему надо коттедж строить, а матери - дочь замуж отдать, вот мать и решилась. Разницу, что дал мужик, отдала дочери. Дочь замуж вышла и глаз не казала, и мать к себе не звала.

Общага была благоустроенная, матери хоть не надо было печку топить. Она уже несколько дней лежала, не вставала. У нее был целый набор болезней, да еще одна главная - нечего было есть, наступил упадок сил.

Генка первую ночь ночевал на полу, на другой день ~~раздо-был~~ раскладушку. Сходил ~~в~~ деревню. У бывших соседей взял два ведра картошки, да ~~еще~~ тетка ~~Поля~~ наложила ~~видок~~ капусты. Кое-как добрался до общаги. Сварил. Накормил ~~мать~~.

На, другой день встал раец, ~~пожевал~~, что было, и пошел искать друга Сеньку. Сенькины родители встретили недружелюбно, с укором. Известие, что недавно отметили сорок дней, как его нет, ударило Генку, как обухом по голове. Он не стал ни о чем расспрашивать, а пошагал прочь от старой покосившейся избы, с которой у него много было связано.

Дорога шла через гаражный кооператив, в котором однажды украло мотоцикл. Гаражи в основном были закрыты, только две машины стояли на проезжей части, а возле них разговаривали несколько сытых мужиков. Крайний гараж был открыт. У Генки сразу родилась дерзкая мысль. Он обернулся. Мужики не обращали на него внимания. Генка заглянул внутрь, там никого не было. Машина стояла с поднятым капотом, он шагнул внутрь. Быстро метнув взглядом по полкам, он не увидел ничего привлекательного, что бы можно было реализовать. Вдруг за воротами раздался голос, Генка заметался, куда деться. Под гаражом был погреб, крышка была приоткрыта, и он, не раздумывая, приподнял ее и шагнул по металлической лестнице. Могильный холод принял его в свои объятия.

Хозяин зашел в гараж взволнованный, ему только что сообщили, что дома сын вымогает деньги у матери на наркотики, надо срочно ехать на помощь. Машина дернулась вперед и захлопнула крышку погреба, автоматический замок щелкнул, и Генка оказался в ловушке. Хозяин выгнал машину, закрыл гараж и в первом состоянии помчался домой, но на первом перекрестке попал в аварию. Его кое-как извлекли из машины и отправили в больницу, а машину утянули на платную стоянку. Ничего этого Генка не знал. Он думал: "Приедет хозяин, сдамся, поди не убьет".

Генка сидел несколько часов в ожидании, он ощущал нехватку кислорода и понимал, что дальше будет хуже. Несколько раз он чиркал зажигалкой, рассмотрел, что за банки здесь хранятся. Оказались помидоры, капуста, огурцы и компот. Он открыл банку компота, подкрепился, но компот был сладкий, и после него очень хотелось пить. Утомившись в ожидании, Генка уснул, и ему приснился страшный сон, кто-то душил его. Приснувшись, он понял, что это от недостатка кислорода. Что-то надо делать. Может быть, подкоп. В погребе не было никакого инструмента или хотя бы того, что можно было приспособить, он зажег зажигалку, снова хорошо все оглядел и на полу увидел валун, обычновенный речной валун, видимо, он служил "гнетом" в кадке с капустой. Генка решил разбивать стену погреба валуном. Стенка была сложена из полкирпича, и ее можно было пробить. Он начал бить. Так как это был крайний ряд гаражей, он был однорядным, и сзади гаражей не было ничего, только в нескольких метрах кювет, а дальше - дорога, так что Генке не

Дорога шла через гаражный кооператив, в котором однажды они украли мотоцикл. Гаражи в основном были закрыты, только две машины стояли на проезжей части, а возле них разговаривали несколько сытых мужиков. Крайний гараж был открыт. У Генки сразу родилась дерзкая мысль. Он обернулся. Мужики не обращали на него внимания. Генка заглянул внутрь, там никого не было. Машина стояла с поднятым капотом, он шагнул внутрь. Быстро метнув взглядом по полкам, он не увидел ничего привлекательного, что бы можно было реализовать. Вдруг за воротами раздался гоаос, Генка заметался, куда деться. Под гаражом был погреб, крышка была приоткрыта, и он, не раздумывая, приподнял ее и шагнул по металлической лестнице. Могильный холод принял его в своем объятия.

Хозяин зашел в гараж взволнованный, ему только что сообщили, что дома сын вымогает деньги у матери на наркотики, надо срочно ехать на помощь. Машина дернулась вперед и захлопнула крышку погреба, автоматический замок щелкнул, и Генка оказался в ловушке. Хозяин выгнал машину, закрыл гараж и в первом состоянии помчался домой, но на первом перекрестке попал в аварию. Его кое-как извлекли из машины и отправили в больницу, а машину утянули на платную стоянку. Ничего этого Генка не знал. Он думал: "Приедет хозяин, сдамся, поди не убьет".

Генка сидел несколько часов в ожидании, он ощущал нехватку кислорода и понимал, что дальше будет хуже. Несколько раз он чиркал зажигалкой, рассмотрел, что за банки здесь хранятся. Оказались помидоры, капуста, огурцы и компот. Он открыл банку компота, подкрепился, но компот был сладкий, и после него очень хотелось пить. Утомившись в ожидании, Генка уснул, и ему приснился страшный сон: кто-то душил его. Приснувшись, он понял, что это от недостатка кислорода. Что-то надо делать. Может быть, подкоп. В погребе не было никакого инструмента или хотя бы тома, что можно было приспособить, он зажег зажигалку, снова хорошо все оглядел и на полу увидел валун, обыкновенный речной валун, видимо, он служил "гнетом" в кадке с капустой. Генка решил разбивать стену погреба валуном. Стенка была сложена из полкирпича, и ее можно было пробить. Он начал бить. Так как это был крайний ряд гаражей, он был однорядным, и сзади гаражей не было ничего, только в нескольких метрах кювет, а дальше - дорога, так что Генке не

составило труда определить, в какой стене пробивать отверстие. Он молил бога, чтобы фундамент гаража был заложен не глубоко. Чтобы раскачать хоть один кирпич, ему пришлось бить несколько часов в одно место. От недостатка кислорода ломило суставы, рвало голову, сердце норовило выскочить из груди. Генка боролся за жизнь! Ценою огромных усилий он все же вынул первый кирпич из стены. Но дальнеше работать не было сил, солонина и компот начали борьбу в его организме, и боли в животе были неимоверные. Поджав колени и прижав руки к животу, он лежал на цементированном полу. Он потерял время и чувства, начинал бредить. Вдруг включилось сознание, и он услышал какие-то отдаленные звуки, видимо, открывали ворота гаража. Генка собрал силы, встал, взял в руки камень и начал стучать в крышку и кричал, сколько было сил. Но через дорогу закладывали фундамент под новый дом. Удары копра заглушали любые звуки.

Разбив стену, он стал копать землю, в земле были кирпичи и шлак, так что скоро он оторвал ногти, но все равно копал и откidyвал этот грунт в дальний угол. Пройдя метр горизонтально, он стал подкапывать верх, используя капроновую крышку с банки. В этой норе он мог находиться несколько минут. Так борьба продолжалась несколько суток.

Тем временем председатель гаражного кооператива пригнал бульдозер навести порядок. Сзади гаражей, там, куда "узник" делал подкоп, скопился мусор, и он решил все разровнять. Генка сидел в норе, а бульдозер, сотрясая землю, двигался к этому месту. Генка чувствовал вибрацию всем телом, но ему казалось, что вот-вот он проткнет верхний слой и струя свежего воздуха восстановит потерянные силы. Но вдруг грунт, который был между погребом и фундаментом обвалился и перекрыл ход в погреб. Генка заметался, задыхаясь, стал царапать лицо, а сверху металлический убийца навалился своим многотонным телом.

Нет ни креста, ни памятника на том месте, где он совершил последний грех.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Своему оппоненту	3
Мир скряги	3
"От судьбы не сбежишь"	3
"Пахло пчелами и медом"	4
Подобас – речушка детства моего	4
"По дорогам солнце режет бровку"	5
Перехитрил	6
"Летят снежинки странницы"	6
Картинки лета	7
"Не был я последним хулиганом"	8
Осенняя акварель	9
Раздирали душу изувверы	9

БАСНЯ

Осел – царь зверей	11
--------------------------	----

БЫВАЛОЧКИ

Поросячий жокей	12
Бедовый извозчик	14
Ну как тут помирать	16
Капустное заговенье	18
Кумовья	21
Кумовья	24
Кумовья	29
Назихина коза	31
Валька шпион	34

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Праздничный ужин	37
------------------------	----

РАССКАЗ

Бес попутал	39
-------------------	----

БАЙКА

Сталинские сапоги	40
-------------------------	----

ПРИТЧА

Из жизни животных	43
-------------------------	----

Последний грех	44
----------------------	----

М.А. Кривошеин
Стихи. Рассказы.

Литературно-художественное издание

ISBN 5-85471-051-X

Сдано в набор 18.02.2000 г. Подписано в печать 12.05.2000 г.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага писчая. Гарнитура «Journal».

Печать офсетная. Усл. пер. п. 2.79. Тираж 1000. Заказ № 46.

Цена свободная.

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040415 от 03.04.1997 г.

Отпечатано в ГУП «Беловский полиграфист»
652615 г. Белово, ул. Чкалова, 18.

